

УДК 784.3.071.1
ББК 85.318
И26

Sean Egan
Bowie on Bowie:
interviews and encounters with David Bowie

Печатается с разрешения издательства Chicago Review Press

Перевод с английского *Лизы Биргер* и *Андрея Бессонова*

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Иган, Шон.

И26 David Bowie : встречи и интервью / Ш. Иган , пер. с англ. Л. Биргер, А. Бессонов , — Москва : Издательство АСТ : Кладезь , 2017. — 448 с.
ISBN 978-5-17-096480-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-1-56976-977-5 (англ.)

В этой книге собраны лучшие интервью с Дэвидом Боуи, которые он давал на протяжении почти всего своего творческого пути. Каждое из них — это один из этапов его невероятного путешествия через эпохи, образы, альбомы, хиты, каждое — возможность заглянуть через плечо гения поп-музыки. И во всех он невероятно точен и внимателен к собеседникам.

УДК 784.3.071.1
ББК 85.318

ISBN 978-5-17-096480-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-1-56976-977-5 (англ.)

© 2015 Sean Egan
© ООО «Издательство АСТ», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

«Не копайте слишком глубоко», — призывает Дэвид «Oddity» Боуи.	5
Oh! You Pretty Thing	9
Дэвид в «Дорчестере»	17
Прощай, Зигги, и поприветствуем Аладдина Сэйна	30
Боуи находит свой голос	40
Боуи встречает Спрингстина.	48
Боуи: Теперь я предприниматель	59
Прощай, Зигги, и все такое.	66
12 минут с Дэвидом Боуи	75
Признания сноба	82
Будущее не то, что прежде	106
Интервью для «Face».	146
Савойская проповедь	165
Boys keep swinging.	183
Интервью «Tin Machine II»	202
«Однажды, сынок, все это может стать твоим»	216
Станция за станцией	242
Мальчики все еще свингуют	262
Живопись действия	275
Ловкий старый плут	287
Уже не безумный юноша	301

Фэшн: поверните налево. Фэшн: поверните направо	308
Звезда возвращается на Землю.	319
50-Боуи-50	334
Боуи: ретроспектива	347
«Куда же я подевал мелодии?»	361
Боуи: самый стильный мужчина	372
«Эта штука значит для меня больше, чем все хитовые альбомы на свете. Большое спасибо»	379
Контакт.	389
Дэвид боуи: жизнь на Земле	403
Такой прекрасный день	411
Вы помните <i>ваш</i> первый раз?	420
Об авторах	438
Список интервью.	444

«НЕ КОПАЙТЕ СЛИШКОМ ГЛУБОКО», — ПРИЗЫВАЕТ ДЭВИД «ODDITY» БОУИ.

Гордон Коксхилл. 15 ноября 1969 года,
газета «New Musical Express» (Великобритания)

Первый альбом Дэвида Боуи вышел в Великобритании в 1967 году, второй в 1969-м, оба носили его имя — «David Bowie», — и странностей и манерности в обоих было хоть отбавляй. Слышно было, что автор еще не вполне понимает, что ему делать со своим талантом. Однако на втором альбоме особо выделился сингл «Space Oddity» (в некоторых странах альбом даже был переименован в его честь). Казалось бы, у истории астронавта, который сходит с ума в безлюдной космической пустыне и приговаривает самого себя к одинокой смерти, нет никакого шанса против всеобщей эйфории вокруг Нила Армстронга и его «гигантского прыжка для всего человечества». Однако именно благодаря этому синглу слушатели заметили Боуи, открыв ему дорогу в чарты.

В этом полустраничном интервью для газеты «New Musical Express» нельзя не отметить двойственное отношение Боуи к славе. Его следующий альбом, «The Man Who Sold the World», вышел всего год спустя, но в последовавшие за первым успехом два года Боуи так старался не привлекать к себе внимания, что многие сочли его поведение своеобразным уходом из поп-музыки.

Казалось, что это часть хитроумного плана, но все было не так. Казалось, что это грандиозный хит, и так все и было. Сингл Дэвида Боуи «Space Oddity», вдохновленный фильмом «Космическая одиссея-2001», вышел тогда, когда весь мир бодрствовал у телевизоров, наблюдая за высадкой космонавтов на Луну. С присущей ему скромно-

стью Боуи передает все лавры своей звукозаписывающей компании, но песня была написана в прошлом ноябре, так что ему никак не отречься от своего невероятного пророчества!

«Все это чистая удача», — говорит он по телефону из шотландского Перта, откуда начинается его небольшое турне по стране хаггиса. «Меня самого изумляет успех этой пластинки, хоть я в ней и не сомневался. Последние несколько лет я был мужской версией тупой блондинки и уже не верил, что когда-нибудь меня начнут ценить за мою музыку. Может, моделям-мужчинам и нравится, когда их называют красивыми, но музыкантам от этого пользы мало — особенно сейчас, когда культ хороших мальчиков постепенно сходит на нет».

И хотя сам Дэвид к написанию песен подходит серьезно, его удивляют критики, выискивающие в его сочинениях скрытые смыслы, о которых он сам даже не подозревает. «Я пишу свои песни от чистого сердца, они всецело мои, и мне, конечно, важно, чтобы их так воспринимали. Я искренне хотел бы, чтобы меня ценили как автора текстов, но я попросил бы не копаться в моих песнях слишком глубоко. Вероятнее всего, окажется, что в них нет ничего, кроме текстов и музыки, которые вы услышите с первого раза».

«Вы наверняка заметили, что я редко пишу об отношениях между мальчиками и девочками. Это потому что у меня самого никогда не было проблем с девушками. Я кажусь себе человеком довольно постоянным, и у меня никогда не было несчастливых отношений с разумной девушкой. А если девушка неумна, мне это и не интересно».

И хотя Дэвид отлично смотрелся на разогреве у группы «Humble Pie», из тура с которой он недавно вернулся, он все же считает себя в первую очередь сочинителем и даже не хочет признавать, что здорово держится на сцене.

«Это был мой первый тур, — говорит он. — И я не мог надивиться тому, что концерты вообще продолжаются. Мне казалось, что все организовано просто ужасно, но, очевидно, все знали, что они делают. Я даже не могу говорить об этом как об успехе, прежде всего потому, что мне приходилось ужиматься в двадцать минут, и в результате царящей неразберихи я вынужден был аккомпанировать себе сам. Но я рад, что публика тепло принимала «Space Oddity», — я боялся, что слушателям будет не хватать оркестра, как на пластинке».

«Я отдаюсь публике, и мне очень важно получать обратную реакцию. Без нее мне не справиться. Но как артист я решительно на-

строен продолжать выступления в кабаре и клубах. В поп-музыке сейчас слишком много гордыни, группы и исполнители воротят нос от кабаре, хотя сами никогда не бывали в ночном клубе. Я просто хочу петь для всех, кто хочет меня услышать, и мне не важно, где это будет. Поверьте, я никогда не изменю свою стрижку или внешность, чтобы кому-то понравиться. Себя самого я вполне устраиваю, и людям придется принять меня таким, какой я есть».

В прошлом художник рекламного агентства, Дэвид играл на саксофоне в джазовой группе, потом «прошел через блюзовый период», во время которого переквалифицировался в певца, затем вступил в труппу французских мимов, где познакомился и работал с Марком Боланом.

«Марк оказал на меня огромное влияние, даже не музыкой, а своим отношением к поп-культуре. Он отгораживается от всего, что в ней есть разрушительного, и занимается только своей музыкой. И я хочу так же. Я и из Лондона сбежал недавно, когда обо мне начали говорить, и не возвращался, пока это не стало действительно необходимо».

Неизбежно заходит речь и об андеграунде, и Дэвиду есть чем поделиться. «Когда все началось, — говорит он, — я надеялся, что появится много новых групп, ориентированных только на музыку, что они будут создавать серьезную музыку и стараться распространять ее. И вот музыка-то у нас есть, и по большей части отличная, но я не очень понимаю подход большинства этих так называемых андеграундных групп. Как будто они слегка расширили свою маленькую личную аудиторию, и на этом успокоились, и им вполне достаточно играть для обращенных. Так ничего не добьешься — в конце концов и они сами, и их слушатели просто достанут друг друга».

«Многое пишется и говорится о музыкальном снобизме фанатов, но я думаю, что и группы не лучше. Их почему-то трясет от одного слова «кабаре» или «артист».

Конечно, когда у тебя есть хит и деньги, которые он приносит, это может здорово изменить жизнь, не только баланс на банковском счете. Похоже, что Дэвид неплохо справляется. «Я купил большую машину и хорошенький маленький домик, в который потребуется вложить еще немного денег и очень много времени, прежде чем он станет таким, как я хочу. Со временем, возможно, возникнет еще что-то. Прямо сейчас меня больше волнует, как оставаться 22-летним, а еще лучше — прыгнуть назад, в 21».

«Занимаясь музыкой, можно оставаться юным внутри, но физически я чувствую себя почти зрелым мужчиной. Я часто жалею, что не успел пожить, как обычный подросток. С 16 лет я не гонял мяч на пустыре с друзьями, я давно не болтал с девушкой просто так, и, хотите верьте, хотите нет, мне этого не хватает. Когда я знакомлюсь с девушкой, мне приходится определять, знает ли она, кто я, интересую ли я ее сам по себе или же мое имя. Проблема немного серьезнее, чем может показаться, но, постучим по дереву, до сих пор мне с девушками везло».

Ближайшее будущее выглядит для Дэвида лучезарным: он может выступить, сколько захочет, на неделе выйдет его новая пластинка, и, возможно, он даже станет ведущим собственной телепередачи. Но Дэвид пока не научился беспокоиться о новых хитах. «Новые? — переспрашивает он. — Пока еще и старые не отыграл. Если честно, я об этом пока не думал. Не могу сказать с уверенностью, что у меня есть уже подходящая песня для нового сингла, но я не хочу становиться одним из тех исполнителей, чья карьера полностью зависит от хитов, а в остальное время их, считай, и не существует. Надеюсь выкроить себе немного времени для сочинительства, когда вернусь из Шотландии, и даже тогда — не могу же я писать просто потому, что у меня есть на это время. Но я слишком молод, чтобы все мои идеи иссякли, не правда ли? Что-нибудь да придумается».

Прямо сейчас Дэвид Боуи кажется именно тем, кого не хватает поп-музыке: нестандартно мыслящий, работающий, равнодушный к наркотикам и презирающий классовое деление в музыке. Он кажется человеком достаточно здравомыслящим, чтобы избежать головокружения от успехов. Уверен, что он сумеет выстоять против всех искушений, а если нет, то ему хватит мудрости, чтобы сбежать.

OH! YOU PRETTY THING¹

Майкл Уоттс. 22 января 1972 года,
журнал «Melody Maker» (Великобритания)

Без всяких сомнений, это самое знаменитое опубликованное интервью Дэвида Боуи.

Когда в начале 1972 года британский еженедельный журнал про музыку «Melody Maker» отправил к Боуи своего корреспондента Майкла Уоттса, Боуи проходил испытательный срок перед возвращением в музыку. В эпоху, когда музыканту жизненно необходимо было оставаться на виду, три года, которые прошли с успехом «Space Oddity», казались вечностью. И молодым людям, обеспокоенным, что предмет их обожания покинул их, было не объяснить, что перерыв этот был в большей степени добровольным: Боуи с головой пропал в Художественных лабораториях Бекенхэма, позабыв и о музыке, и о славе. Но его возвращение оказалось одним из самых грандиозных камбэков всех времен. Вышедший в декабре 1971 года альбом «Hunky Dory» был немедленно провозглашен классикой, он под завязку набит великими мелодиями и при этом остается верен духу альтернативной культуры. Тем поразительнее оказывается тот факт, что альбом был сложен наспех, чтобы утихомирить звукозаписывающую компанию, возмущенную тем, как долго созревал главный шедевр Боуи. Этот шедевр, пластинка «The Rise and Fall of Ziggy Stardust and the Spiders from Mars», играла в проигрывателе, пока Боуи принимал у себя Уоттса. Это тоже была классика, тоже верная духу времени — уже нового времени, скорее, неистовствующего во грязи и во плоти, чем погруженного в глубокомыслие. В своем творческом горении

---

¹ «О, прекрасное создание» — отсылка к песне Дэвида Боуи с альбома «Hunky Dory».

Боуи не слишком заботился о философском постоянстве. И он уже стремился к славе — но на собственных условиях.

Заметьте, как бесстрастно — и даже скептически — наблюдает Уоттс спектакль, который устраивает перед ним Боуи. Он был прав, как покажут дальнейшие интервью в этой книге. Но даже если признание Боуи в собственной гомосексуальности было не вполне правдой, он все равно шел на огромный риск — гомосексуальность в те времена отталкивала даже хиппи и фанатов рок-музыки. И все же ставка его сыграла так блистательно, как он и предсказывал в разговоре с Уоттсом.

Стоит еще заметить, что в этой статье мы впервые встречаем другую знаменитую цитату Боуи — о том, что он станет великим, прежде чем разобьется о Землю. Первая часть этого предсказания сбылась.

Пусть он не был одет в шелка прямо из магазина «Либерти» и его длинные светлые волосы больше не спадали волнами на плечи, Дэвид Боуи все равно выглядел клево. Он облачился во что-то вроде боевого костюма, тесно обтягивающего ноги и расстегнутого на груди, обнажившего белый торс. Штанины были подвернуты, чтобы продемонстрировать во всей красе пару огромных красных пластиковых ботинок на не менее чем семисантиметровой платформе, а волосы подстрижены и уложены таким невероятным образом, что ты, затаив дыхание, следил, чтобы ветерок из открытого окна не посмел разрушить эту прическу. Хотелось бы мне, чтобы вы были там и могли заценить его, такой он был суперский.

Это все любимые словечки Дэвида — «заценить», «супер». Он говорит, что он гей. Хммм. Пару месяцев назад на его концерте в «Хампстед Кантри Клуб», засаленном, повидавшем всякое местечке в северном Лондоне, собралась половина гей-населения города, чтобы полюбоваться на его огромную бархатную шляпу со свисающими полями, которую он крутил вокруг головы после каждого номера. Если верить менеджеру клуба, Стюарту Лиону, один юный гей просидел весь концерт прямо у самой сцены, замерев от восторга. Впрочем, оказывается, что на Освободительное движение геев и лесбиянок у Боуи, тем не менее, времени нет. Именно это движение он возглавлять не хочет. Ему претят все эти стадные игры. Время цветов — это было весело, но на самом деле он хочет сохранить индивидуальность. И разве не па-

радоксально, что у него до сих пор, по его собственному выражению, «хорошие отношения» с женой. А еще есть и сын, Зоуи. Боуи считает, что его можно назвать «бисексуальным».

Как только Дэвида не называют. В Штатах его нарекали и английским Бобом Диланом, и авангардным беспредельщиком, два в одном. «Нью-Йорк таймс» пишет о его «ясном и блистательном воображении». Он им там очень нравится. А вот дома, в Британии с ее вечно поджатыми губами, где Элис Купер возмущает общественное спокойствие, немногие прониклись Дэвидом Боуи. Его последний альбом «The Man Who Sold The World» разошелся в Штатах 50 тысячами копий, здесь же продано всего 5 пластинок, и все их купил сам Боуи.

Да, но еще до конца этого года все вы, кого воротит от Элиса, будете без ума от мистера Боуи, а всех тех, кто уже понимает, что к чему, заморожит голос, волшебным образом меняющийся от песни к песне, способность писать музыку, завоевывающую сердца, и драматический дар, от зависти к которому лучшие из наших лицедеи сгрызут свои подводки для глаз. Все это вместе — а также добавьте прекрасно слаженную группу с суперзвездой Миком Ронсоном в ведущих гитаристах, которая может и дать вам под дых тяжеляком, и утешить невероятной нежностью больное сердце. О, как прекрасно быть молодым.

Причина — новый альбом Боуи «Hunky Dog», в котором талант к мелодиям, противостоять которым невозможно, сочетается с многоуровневой поэзией — ее можно воспринимать и как прямой рассказ, и как философию, и как аллегорию, смотря как глубоко вы желаете проникнуть. Он мастер пронзительных, сильных и в то же время простых поп-мелодий, слова и аранжировки в которых полны тайн и смутных намеков.

Так, песня «Oh! You Pretty Things», ставшая хитом в исполнении Питера Нуна, только на поверхности, прежде всего в партии хора, повествует о чувствах будущего отца — на более глубоком уровне тут заложена вера Боуи в сверхчеловеческую расу, в homo superior, на которых он намекает в тексте: «Я думаю о том, что наступит мир, Где Золотые Люди обнаружат книги, Написанные в страдании, Написанные в благоговении, Человеком растерянным, пытавшимся понять, что все мы здесь делаем, О, сегодня явились чужаки и, кажется, они пришли, чтобы остаться». Меня изрядно забавляет мысль, что такую тяжелую песню исполняет Питер Нун. Это довольно эксцентрично, признает сам Дэвид. Но у Боуи настоящий нюх к такого рода диссо-

нансам. На альбоме «The Man Who Sold The World» есть, например, отрывок в конце песни «Black Country Rock», в котором он безупречно пародирует заливистые трели своего друга Марка Болана. На альбоме «Hunky Dory» он посвящает песню под названием «Queen Bitch» группе «Velvet Underground», точь-в-точь копируя вокал и аранжировки Лу Рида — пародийна и история, в которой бойфренда певца соблазняет другая «королева», очень в духе «Velvet Underground». В его собственных альбомах опять же он часто обращается к густому акценту кокни — как в песнях «Saviour Machine» (альбом «The Man Who Sold The World») и тех же «The Bewlay Brothers». Сам Боуи говорит, что слизал этот акцент у Энтони Ньюли, поскольку он без ума от «Остановите землю — я сойду» и «Странного мира Гурни Слейда». «Свои мысли он частенько преподносит таким густым акцентом кокни, и я решил использовать этот акцент там и тут для пушей убедительности».

Безупречный слух Боуи на копирование, несомненно, объясняется его врожденным чувством театра. Он говорит, что воспринимает себя скорее как актера и шоумена, чем как музыканта, что, возможно, он только актер, и ничего больше. «За этой непробивной броней может скрываться невидимый человек». Шутите? «Нисколько. Я не особо увлекаюсь жизнью. Я мог бы с тем же успехом быть просто астральным духом».

Боуи говорит со мной в офисе «Gem Musi», где работают его менеджеры. Проигрыватель играет его следующий альбом, «The Rise And Fall of Ziggy Stardust And The Spiders From Mars», героем которого стала придуманная рок-группа. Это музыка с довольно тяжелым звуком, напоминающим «The Man Who Sold The World». Альбом выпускают совсем скоро, несмотря на то, что буквально только что вышел «Hunky Dory». Все здесь знают, что уже в этом году Боуи будет грандиозной суперзвездой во всем мире — прежде всего сам Дэвид. Его песни всегда опережают время лет на десять, говорит он, но в этом году он готов предугадать тренды. «Я буду велик, — говорит он, его огромные красные сапоги подрагивают в воздухе в такт музыке, — и это даже по моему пугает. Ведь я понимаю, что когда достигну своей вершины, придет время падать, и падение это будет громким».

Человеку, который продал это предсказание миру, уже случилось вытянуть свой выигрышный билет. вспомните «Space Oddity», хронику неудач майора Тома — а заодно причину настоящего бума на ксилофоны. В 1968 году песня вошла в десятку хитов года, но с тех пор

Боуи почти не выступал перед публикой. Он ненадолго появился на сцене в Художественной лаборатории в Бекенхэме, которую соосновал у себя в родном Кенте, но стоило ему понять, что в пятницу вечером люди отправляются туда не ради экспериментального искусства, а чтобы поплялиться, как трудится Боуи — автор хитов, его иллюзии, очевидно, развеялись. Проект тот провалился, но и перспектива концертов по стране, каждый день в новом городе, не казалась ему особо привлекательной.

Так что прошедшие три года он целиком посвятил себя записи трех альбомов: «David Bowie» (тот самый, с которого «Space Oddity») и «The Man Who Sold The World» для «Philips», и «Hunky Dory» для RCA. Его первый альбом, «Love You Till Tuesday», вышел в 1968 году на новом лейбле «Deram», но продавался не слишком хорошо, и компания «Десса», которой принадлежал «Deram», казалось бы, потеряла к нему интерес.

Для него, впрочем, все началось, когда ему было пятнадцать и его брат дал ему партитуру, чтобы он выбрал инструмент — Боуи остановился на саксофоне, потому что в книге этот инструмент был главным (Джерри Маллигэн, да?). Так что в 63-м он играл на тенор-саксофоне в лондонском ритм-н-блюзовом бэнде и ушел оттуда, чтобы основать полупрофессиональную блюзовую группу под названием «David Jones and The Lower Third» (имя он изменил в 1966 году, когда прославился Дэйви Джонс из «The Monkees»). Боуи оставил свою группу в 1967-м и начал выступать в клубах, где играли фолк-музыку.

С 14 лет он интересовался буддизмом и Тибетом, поэтому, когда его первая пластинка провалилась, он полностью оставил музыку, чтобы посвятить все свое время Тибетскому обществу, занимавшемуся помощью ламам, изгнанным из страны в результате китайско-тибетской войны. В этот период он помог основать буддистский монастырь в шотландском Дамфрисе. Он говорит, что и сам бы хотел стать тибетским монахом, и может, и стал бы, если бы не повстречал Линдси Кэмп, у которого в Лондоне была своя труппа мимов: «Это было столь же волшебно, как и буддизм, и я продался с потрохами и сделался городским созданием. Я думаю, отсюда корни и моего интереса к персонажам».

Его нынешний персонаж — это явление гей-королевы, роскошно женственного мальчика. Со своими мягкими руками и дерзкими словечками он кажется воплощением кэмп. «Я — гей, — заявляет

он, — и всегда был им, еще со времен Дэвида Джонса». Но в том, как он говорит это, есть какое-то веселое лукавство, улыбка, спрятанная в уголках губ. Он прекрасно понимает, что сейчас наступило такое время, в которое дозволено вести себя как дива, и что шок и эпатаж, на которых строится история поп-музыки, не даются без труда.

И даже если он не эпатирует, он хотя бы забавляет. Его выраженная сексуальная амбивалентность провоцирует увлекательную игру: так все-таки да или нет? Во время столкновения сексуальных идентичностей он с пользой для себя использует путаницу женских и мужских ролей. «Так почему на вас сегодня не женское платье?» — спрашиваю я (у него нет исключительного права на иронию). «Дорогуша, — отвечает он. — Ты должен понять, что это не женское — это мужское платье».

Женские или мужские, платья он начал носить два года назад, но говорит, что до того совершал эпатажные поступки, которые не были приняты обществом. Просто так получилось, замечает он, что в последние два года люди согласились принять тот факт, что в мире существуют бисексуалы «и — о ужас — гомосексуалы». Он улыбается, это дополнение его забавляет.

«Важно сказать, что меня никто не заставляет носить женскую одежду. Я хочу продолжать в том же духе еще долго после того, как это выйдет из моды. Наверное, я просто из космоса. Я всегда носил одежду своего собственного стиля. Я сам ее придумываю. Я и это придумал».

Он прерывается, чтобы окинуть рукой то, что на нем надето. «Мне просто не нравится одежда, которую можно купить в магазине. Я ведь и платья не все время ношу. Я меняюсь каждый день. Я не эпатажен. Я — Дэвид Боуи».

Я спрашиваю, как ему наш дорогой Элис, и он пренебрежительно качает головой: «Никак. Я купил его первый альбом, но он меня не восхитил и не шокировал. Я думаю, он старается эпатировать. Посмотрите на него, бедная душка, как сверкают его красные глаза, как он напряжен. Он так старается. Его номер с удавом — мой друг, Руди Валентино, выполнял такой же трюк за сто лет до него. И что я вижу — мисс К. со своим удавчиком. Мне это кажется унижительным. Все это очень продумано, очень в духе нашей эпохи. Возможно, сейчас он успешнее, чем я, но я придумал новый вид артиста — одежда, жесты. В Штатах они называют это «пантомимный рок».

Несмотря на все его оборки, будет тем не менее совсем неправильно записывать его первым делом в артисты травести, пусть и блистательные. Искусственно растянутый, растиражированный образ неизбежно уменьшит самого артиста. А Боуи — именно артист. Он сам предвидит неизбежность этой проблемы, когда говорит, что не хочет больше выпячивать свое внешнее «я». Образа у него достаточно. В этом году он собирается посвятить свое время сценической работе и записи. Как он говорит, только это и считается на смертном одре. Он выстоит — или падет — вместе со своей музыкой.

Мне, в отличие от других, не кажется, что он пишет какие-то особо интеллектуальные песни. Его способность исследовать одну и ту же тему с разных ракурсов кажется мне скорее интуитивной. Его песни — не строго выстроенная мысль, а вываливание своего подсознания. Он сам говорит, что нечасто старается вступить в диалог с самим собой, продумать свои идеи. «Если я вижу звезду, и звезда эта красная, я не буду пытаться объяснить, почему она красная. Я задумаюсь, как мне описать слушателю наилучшим образом, что именно эта звезда оказалась именно этого цвета. Я не задаю вопросов, я выстраиваю связи. Я нахожу свои ответы в творениях других. Мою же работу можно сравнить с разговором с психоаналитиком. Моя сцена — это моя кушетка».

Именно потому, что музыка его так глубоко укоренена в бессознательном, он так восхищается Сидом Барреттом. Ему кажется, что не знающая никаких границ поэзия Сида и для него открыла двери, оба они, думает он — создания своих собственных песен. И если Барретт совершил первый прорыв, то теперь оставаться на плаву и расширять границы своего подсознательного ему помогают Лу Рид и Игги Поп. Он, Лу и Игги завоюют весь мир, говорит Боуи. Он преклоняется перед этими сочинителями.

Другой важный источник его вдохновения — мифология. Ему очень хотелось бы верить в мифы прошлого, прежде всего в миф об Атлантиде, и та же тяга к легендам побудила его создать миф будущего, веру в неизбежный приход расы высших людей, homo superior. В этом для него видится единственный проблеск надежды. «Все, что не смогли мы, сделают они», — говорит он.

Эта вера выросла из отрицания пути развития общества в целом. Будущее этого мира не оставляет для него больших надежд. Год назад он отводил человечеству 40 лет. На его следующем альбоме есть пес-

ня, сокращающая приговор, она называется «Пять лет». Он фаталист, как видите, убежденный оптимист. «Pretty thing», этот беззаботный хит Германа, связывает эту фаталистическую обреченность с искрой надежды, которую Боуи видит в рождении своего сына, своеобразное поэтическое уравнение *homo superior*. «Мне кажется, — говорит он, — что нам тем временем удалось создать нового человека. Мы создали ребенка, который будет настолько атакован медиа, что к 12 годам окажется потерян для своих родителей».

Этот технологический прогноз напоминает нам образ ближайшего будущего из «Заводного апельсина» Стенли Кубрика. Сильная штука. И гораздо, гораздо продвинутой, чем вся шумиха с переодеванием. Не стоит считать Дэвида Боуи несерьезным музыкантом только потому, что ему нравится иногда нас немного подразнить.